

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

Вопрос о безубойном питании человека, решаемый с христианской точки зрения

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1904. № 5. С. 687-715.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Вопросъ о «безубойномъ питаніи» человѣка, рѣшаемый съ «христіанской» точки зрѣнія *).

Остановимся сначала на данныхъ фактическихъ, предлагаемыхъ Словомъ Божиимъ.

Въ раю первозданнѣе люди питались одною только растительною пищею. Это несомнѣнно и безусловно опредѣленно констатируется бытописателемъ—Моисеемъ. Давъ первозданнымъ людямъ власть «пасть рыбами морскими (и надъ звѣрями), и надъ птицами небесными (и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею землею), и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся на землѣ», Богъ непосредственно-же за этимъ присоединилъ: «вотъ, Я далъ вамъ всякую траву сѣющую сѣмя, какая есть на землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющей сѣмя,—вамъ *sic* будетъ въ пищу. А всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому (гаду) пресмыкающемуся по землѣ, въ которомъ—душа живая, *далъ* Я всю зелень травную въ пищу. И стало такъ» (Быт. I, 28—30). Мы видимъ отсюда, что не одни люди до райскаго грѣхопаденія, но и животныя всѣ въ этотъ періодъ, по слову Творца, должны были питаться и дѣйствительно питались только одною растительною пищею. Такъ дѣло всегда и продолжалось-бы, еслибъ не случилось трагической райской катастрофы. Человѣкъ не боялся животныхъ и не притѣснялъ ихъ, наоборотъ—относился къ нимъ кротко и ласково. Онъ «нарекъ имена всѣмъ скотамъ и птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ поле-

*) Окончаніе. См. апрѣль.

вымъ»... (—II, 20.19), послѣ того какъ Богъ «привелъ (ихъ) къ человѣку» (ibid). Въ свою очередь, и животныя не боялись человѣка и не относились къ нему враждебно, потому что не было для нихъ никакихъ побужденій относиться къ нему иначе. Первозданный человѣкъ спокойно разговариваетъ въ раю со «змѣею», и этотъ послѣдній съ нимъ (—III). Словомъ, отношенія первыхъ людей къ животнымъ и животныхъ къ тѣмъ были вполне мирны,—никто не посягалъ на жизнь другого: ни человѣкъ—на жизнь животныхъ, ни животныя—на жизнь человѣка. Бытописатель говоритъ, что «Господь Богъ насадилъ рай въ Едемѣ на востокѣ, и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ. И произраститъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи»... (—II, 8.9)... Человѣкъ долженъ былъ «воздѣлывать садъ Едемскій и хранить его. И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть»... (—II, 15—16). Самъ первозданный человѣкъ все это сознавалъ и помнить, такъ-что и на ухищренія діавола въ образѣ «змѣи»—этого «хитрѣйшаго» изъ «всѣхъ звѣрей полевыхъ» — Ева сказала: «плоды съ деревъ мы можемъ ѣсть» (—III, 1.2)... Трогательная картина рисуется бытописателемъ! Жизнь, чья-бы она ни была, являлась чѣмъ-то священнымъ въ глазахъ другого и другихъ...

Долго-ли протекала блаженная райская жизнь, не знаемъ... Слѣдуя навѣтамъ обольстителя—діавола, первые люди пали. Существовавшая дотолѣ полная гармонія въ жизни міра, въ отношеніяхъ человѣка къ животному міру и этого послѣдняго—къ человѣку—исчезла, уступивъ мѣсто дисгармоніи... Произнося судъ надъ преступниками, Господь «сказалъ Адаму:... проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей: терніе и волчцы произрастятъ она тебѣ; и будешь питаться полевой травою; въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ»... (—III, 17—19). «И выславъ его Господь Богъ изъ сада Едемскаго, чтобы воздѣлывать землю, изъ которой онъ взятъ» (—23)... Достоуважаемые слушатели! Видите, что и послѣ грѣхопаденія пищею человѣка осталась только растительная,—что разрѣшенія на употребленіе «убойны» ему не было пока еще дано? Не было дано, хотя животныя несомнѣнно уже враждебно были къ нему настроены, «потому что», вслѣдствіе человѣческаго-райскаго грѣхопаденія, вся «тварь», по слову св. Апостола Павла, «покорилась суетѣ» и «совокупно стенаеть и мучится донынѣ» (Римл. VIII, 20.22)...

Но, какъ ни тяжелы были допотопныя условія жизни человѣка, онъ, повторяемъ, еще не осквернилъ себя неразрѣшенной ему дотолѣ «убойною». Послѣдній допотопный (онъ-же и послѣпотопный) патріархъ Ной получилъ свое имя потому, что онъ,—какъ надѣялся его отецъ (Ламехъ), «утѣшитъ... въ работѣ... и въ трудахъ рукъ... при *воздѣлываніи* земли, которую проклялъ Господь (Богъ)» (Быт. V, 29). Всюду пока рѣчь—только о «воздѣлываніи земли» и, слѣдовательно, о растительной лишь пищѣ. Но вотъ приближается время потопа всемірнаго. Ною дается повелѣніе отъ Бога: «ты-же», говоритъ ему Господь, «возьми себѣ всякой пищи, какою питаются» (т. е., взятыя имъ потомъ въ ковчегъ животныя...), «и собери къ себѣ; и будетъ она для тебя и для нихъ пищею» (—VI, 21)... О какой пищѣ идетъ рѣчь здѣсь? «По мнѣнію бл. Феодорита, звѣри въ ковчегѣ питались только травой и сѣменами» (цит. соч. о. *Хераскова* о «Пятоквижіи Моисеевомъ»—стр. 60)... Если это—такъ, то въ высшей степени характерно и поучительно... А что дѣло дѣйствительно такъ и обстояло, несомнѣнно, такъ какъ, по словамъ бытописателя, нами только-что приведеннымъ, выходитъ, что одна и та же пища была въ употребленіи во время потопа у Ноя и у животныхъ,—а какую пищу до выхода изъ ковчега этотъ патріархъ употреблялъ, мы уже знаемъ,—именно одну растительную.

Такимъ образомъ, *въ теченіе очень долгого періода времени первобытное человечество питалось одною только растительною пищею, было, такъ сказать, вегетаріанскимъ.*

Что послѣдовало затѣмъ, когда послѣпотопные люди, какъ мы видѣли выше, получили отъ Бога разрѣшеніе употреблять «животную» пищу?

Мы уже говорили о законахъ Моисеевыхъ касательно пищи: разрѣшая употребленіе мяса животныхъ, законодатель, какъ было сказано, совершенно запретилъ при этомъ убивать для данной цѣли всѣхъ, такъ называемыхъ у него, «нечистыхъ» животныхъ. Кромѣ того, онъ-же воспретилъ и употребленіе въ пищу всякой мертвечины, хотя-бы это былъ трупъ и животного «чистаго» (см. выше)... Другими словами: данное не тотчасъ послѣ созданія человѣка разрѣшеніе питаться «убойною», а спустя лишь огромный періодъ времени,—тѣмъ не менѣе, было все-же значительно ограничено законными постановленіями. И это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, весьма знаменательно. Такъ, кажется, и просвѣчиваетъ между строкъ

Моисеева законодательства мысль, что разрѣшеніе животной пищи дано лишь по снисхожденію Божію къ немощамъ чловѣческимъ, отчасти по «жестокосердію» навшихъ людей, нравственно ослабѣвшихъ...; такъ и кажется все это потому, что иначе узаконенія, намъ думается, носили-бы въ данномъ случаѣ другой, болѣе безусловный (если ужъ не совсѣмъ безограничительный) характеръ.

Великіе духомъ члены избраннаго Богомъ народа, можно думать, всегда сознавали, что въ дозволеніи имъ, данномъ свыше, употреблять «животную» пищу сказалось именно лишь снисхожденіе Божіе, и что всякій, стремящійся къ высшему совершенству, въ душѣ своей долженъ считать за лучшее—воздерживаться отъ той пищи... Весьма назидателенъ разсказъ книги прор. Даніила, передающій слѣдующее. Навуходоносоръ, царь вавилонскій, приказалъ «начальнику евнуховъ своихъ—Асфеназу» отобрать лучшихъ «отроковъ» изъ числа захваченныхъ имъ въ Іудеѣ и приготовить ихъ для «службы въ царскихъ чертогахъ»... Эти отроки должны были питаться «пищею съ царскаго стола и виномъ, которое пилъ самъ» Навуходоносоръ. «Между ними были изъ сыновъ Іудиныхъ—Даніилъ, Ананія, Мисаилъ и Азарія». Они отказывались отъ царской пищи и царскаго вина. Между тѣмъ «начальникъ евнуховъ» не рѣшался согласиться на это: «боюсь», говорилъ онъ, «господина моего, царя, который самъ назначилъ вамъ пищу и питье: если онъ увидитъ лица ваши худощавѣе, нежели у отроковъ, сверстниковъ вашихъ, то вы сдѣлаете голову мою виновною предъ царемъ». Услышавъ такія слова, Даніилъ сталъ просить «Амелсара, котораго начальникъ евнуховъ приставилъ къ» нимъ,—сталъ просить именно о томъ, чтобъ этотъ «сдѣлалъ опытъ надъ рабами» своими—этими 4-мя іудеями: «въ теченіе десяти дней», говорилъ онъ, «пусть дадутъ намъ въ пищу овощи и воду для питья; и потомъ пусть явятся предъ тобою лица наши и лица тѣхъ отроковъ, которые питаются царскою пищею, и затѣмъ поступай съ рабами твоими, какъ увидишь». Проба была произведена. «По истеченіи десяти дней лица» Даніила и трехъ съ нимъ отроковъ «оказались красивѣе, и тѣломъ они были полнѣе всѣхъ тѣхъ отроковъ, которые питались царскими яствами. Тогда Алмесаръ бралъ ихъ кушанье и вино для питья и давалъ имъ овощи»... Въ результатъ эти 4 іудея превзошли своими качествами всѣхъ, бывшихъ съ ними, «отроковъ»... (Дан. I). Почему Даніилъ и три отрока отказались отъ упо-

требленія царской пищи? Потому что «употребленіе пищи со стола язычника могло быть оскверненіемъ для истиннаго чителя Бога Израилева и закона Его»... Въ сознаніи всего этого, Даніилъ и рѣшилъ питаться иначе,—«глубоко и непоколебимо преданный Богу своихъ отцовъ и твердо вѣрующій, что *не однимъ хлѣбомъ живетъ человекъ, но всякимъ (словомъ), исходящимъ изъ устъ Господа...*, что въ столь тѣсныя для благочестія и вѣры времена Господь окажетъ нужную помощь и что Господне благословеніе можетъ дать потребную для полного здоровья питательность предметамъ, повидимому, вовсе мало питательнымъ»..., между тѣмъ какъ «начальнику евнуховъ»—«человѣку, смотрѣвшему не человѣческія дѣла только по-человѣчески..., казалось, что тѣло можетъ питаться и цвѣсти только отъ роскошныхъ снѣдей»... (И. Смирнова: «Св. пр. Даніилъ». Рязань, 1879 г., стр. 17. 18...). Такъ-то разсуждали и поступали въ тѣ отдаленныя времена благочестивые и вѣрующіе люди!... (ср. Дан. X, 3)...

Отъ ветхозавѣтной эпохи перейдемъ къ новозавѣтной—христіанской... Что видимъ здѣсь?

О пицѣ Спасителя нашего мы уже говорили. Что-же касается Его св. Апостоловъ, то ихъ пищею обыкновенно былъ хлѣбъ. По крайней мѣрѣ, въ ббльшей части библейскихъ мѣсть, гдѣ говорится мимоходомъ объ ихъ пицѣ, называется таковою хлѣбъ [напр., Мат. XV, 2; Марк., VI, 8 (Лук. IX, 8); Марк. VIII, 14; VII, 2, 5; Лук. XXV, 35; Дѣян. II, 42, 46 (XX, 7 ср.); 2 Сол. III, 8 и т. под.]. Хлѣбъ называется и вообще всего чаще въ новозавѣтныхъ библейскихъ книгахъ—какъ именно пища [Марк. III, 20; Лук. XIV, 1; ср. VII, 33; ср. XI, 3 (ср. Мо. VI, 11); ср. Лук. XII, 18... 42; XIV, 15; XI, 11 (ср. Мо. VII, 9); ср. Іоанн. VI, 7. 23. 26. 32. 33. 34. 35 (и 48), 41, 50, 51 (и 58); XIII, 18; ср. Мо. IV, 3. 4.; XV, 26 (ср. Марк. VII, 27); ср. Мо. XXVI, 26; ср. Лук. XV, 17 и т. п. и т. п.]. Это несомнѣнно, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слово «хлѣбъ» можно понимать и не въ строго буквальномъ смыслѣ, а въ болѣе или менѣе общемъ, чего игнорировать, разумѣется, намъ нельзя. Нельзя игнорировать, конечно, и того, что, будучи рыбаками, нѣкоторые св. Апостолы (уже какъ такіе) могли вкушать и вкушали рыбу (ср. Мо. IV, 18. Мрк. I, 16. Лук. V, 2..., 11... Іоан. XXI, 13. Лук. XXIV, 42. Іоан. XXI, 3...) и, слѣдовательно, не были вегетаріанцами... въ строгомъ смыслѣ слова, но крайней мѣрѣ, вначалѣ. Но что они, по крайней мѣрѣ, нѣ-

которые изъ нихъ, будто-бы не сдѣлались вегетаріанцами и потомъ, этого утверждать мы не можемъ. Скорѣе можемъ утверждать противоположное, основываясь на нѣкоторыхъ, сохранныхъ намъ исторіею, свидѣтельствахъ. Такъ, въ памятникѣ—несомѣнно древнемъ (*Bardenhewer: «Patrologie»: 2 Aufl. Freib. im Breisg. 1901: S. 73...*)—«псевдо—Клементинахъ»—сообщается, что св. Ап. Петръ—бывшій рыбарь—«питался только хлѣбомъ, оливами и изрѣдка—овощами (*Recogn. VII, 6*)» (*Zöckler: «Askese und Mönchthum». 2 Aufl. 1 Band. Frankf. a. M. 1897. S. 151*). Климентъ Александрійскій («род. около 150 г.», а умеръ до «215 или 216» г.г.: *Bardenh. S. 114*)—древній христіанскій учитель передаетъ, что «Ап. Матѳеѣ воздерживался отъ» употребленія въ пищу «мяса» («*Paedag. II, 1*») (*Zöckler: ibid.*). Егезиппъ—изъ второго христіанскаго вѣка (*Bardenh. S. 104*) говорить «объ Іаковѣ Праведномъ, братѣ Господнемъ, епископѣ іерусалимскомъ, предсѣдательствовавшемъ на Апостольскомъ соборѣ» (*А. Ивановъ: «Руков. къ изъяснит. чтенію апост. посл...»; изд. 4; СПб. 1893 г., стр. 7*), что онъ не употреблялъ «вина» и «совершенно воздерживался отъ мяса» (*Zöckl. S. 152*)... Какъ-бы мы ни смотрѣли на историческую достовѣрность этихъ и подобныхъ имъ свидѣтельствъ, которой всецѣло отрицать не имѣемъ достаточныхъ основаній,—они, т. е., свидѣтельства, въ высшей степени поучительны и краснорѣчивы.

Христіане, желавшіе подражать такого рода жизни и питаться одною лишь растительною пищею, всегда были на-лицо и не въ маломъ числѣ. Особенно интересны и назидательны для насъ примѣры древнихъ подвижниковъ, оставившихъ для насъ образецъ жизни, согласной съ требованіями высокаго евангельскаго идеала. Эти подвижники обыкновенно воздерживались отъ животной пищи, даже и растительною пользуясь лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Приведемъ нѣсколько поясняющихъ дѣло фактическихъ данныхъ. Такъ, «въ Скиту и горѣ Нитрійской» (въ Египтѣ) «послѣ службы въ воскресенье раздавали иногда паксамы (= сухіе хлѣбы)»... (проф. *П. Казанскаго: «Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вв.»; 24 ч. «Прибавленій» къ «Твор. свв. отцовъ», стр. 814*). «На вечерахъ любви» предлагались «плоды, хлѣбъ»... (стр. 815). Но даже и столь умѣренные «вечери любви» считались «отступающими отъ обычной умѣренной пищи иноковъ» (*ibid.*). «Св. Епифаній пишетъ о монахахъ»,

что «одни изъ нихъ воздерживаются отъ всякихъ мясъ и четвероногихъ и птицъ и рыбъ, и отъ ящъ...,—а есть и такіе, которые воздерживаются и отъ хлѣба, иныя и отъ плодовъ древесныхъ и всего варенаго» (стр. 830). Однажды «къ Епифанію пришелъ Иларіонъ Великій, и во время обѣда подапа была птица; Иларіонъ не сталъ ѣсть, сказавъ: съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался монахомъ, я не ѣлъ ничего заколотаго» (стр. 830—831). «Обыкновенною пищею иноковъ», какъ говоритъ преп. Кассіанъ, «были хлѣбъ, зелень, овощъ, плоды»... (стр. 831). Св. «Аѳанасій Великій ...не одобрялъ тѣхъ монаховъ, которые пьютъ вино». За «чашу вина... нѣкоторые старцы... лишили себя на цѣлый день воды»... (стр. 833). Извѣстно, что «тавенскіе иноки въ теченіе четырехдесятиницы не ѣли вареной пищи». Подъ ихъ вліяніемъ преп. «Макарій Александрійскій... семь лѣтъ не ѣлъ ничего варенаго, а только сырую зелень, и иногда овощи». Затѣмъ ежедневно въ теченіе «трехъ лѣтъ... съѣдалъ не болѣе четырехъ или пяти унцій хлѣба»... (стр. 834). «Многіе совсѣмъ не употребляли масла» (стр. 834). «Авва Ілія въ молодости ѣлъ только разъ въ недѣлю, а въ старости по три унціи хлѣба и по три смоквы въ день» (стр. 835). Далѣе, «одинъ старецъ положилъ себѣ не пить 40 дней и, при-томъ, нося сосудъ съ водою привѣшенный на шею» (стр. 836)... Но, впрочемъ, примѣровъ изъ жизни древнихъ христіанскихъ подвижниковъ можно было-бы привести множество. Опасаясь утомить ваше благосклонное вниманіе, мы, однако, ограничимся лишь приведенными, взятыми просто наудачу и тѣмъ болѣе характерными...

Переносясь отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ къ дальнѣйшимъ и, въ частности, къ нашей православной Россіи, мы видимъ, достоуважаемые слушатели, что многочисленный классъ монаховъ у насъ питается лишь растительной и рыбной пищею, совершенно избѣгая мясной въ обычномъ смыслѣ этого слова. Животными-же пользуется онъ для другихъ цѣлей: для хозяйственныхъ работъ, для добыванія молока... Въ нѣкоторыхъ-же монастыряхъ по-возможности ограничивается пользованіе и рыбною пищею. Изъ монастырскихъ прудовъ и озеръ иногда года по четыре не ловятъ рыбы. Она, поэтому, мало боится подходящихъ къ водѣ богомольцевъ и, ожидая отъ нихъ хлѣба, какой обычно бросаютъ въ пруды мѣстные монахи, стаями бѣжитъ вдоль берега за проходящими (нѣчто подобное мы видѣли на Валаамѣ и слышали отъ другихъ). Не посягая

на жизнь и другихъ живыхъ существъ, монахи приучаютъ ихъ къ себѣ. «На островѣ въ рощахъ скачутъ»...,—пишетъ С. В. Максимовъ о Валаамѣ,—«зайцы по той причинѣ, что ловить ихъ монахамъ не для чего, а стрѣлять богомольцамъ запрещено»... (стр. 456; т. I, ч. I: «Живописная Россія», изд. Вольфа, 1881 г.). «Пользуясь тѣмъ-же запрещеніемъ стрѣльбы на острову, тюлени цѣлыми стадами выползаютъ на прибрежныя скалы и пѣжаты на вѣтру и солнцѣ въ усладительномъ снѣ и покоѣ»... (ibid., стр. 458). «Транеза скитниковъ» (напр., на томъ-же Валаамѣ) «всегда постная и состоитъ изъ однихъ овощей» (стр. 396; 9 тт. «Энцикл. Слов.» *Брокгауза—Ефрона*; Спб. 1891 г.). Такимъ образомъ здѣсь сдѣланъ и дальнѣйшій шагъ къ окончательному, строгому «вегетаріанству»... Поразительное замѣчается явленіе. Разсматривая живопись въ церквахъ, вы иногда (напр., въ кievскомъ Соборѣ св. Владиміра) встрѣчаете стѣнные изображенія жизни нашихъ прародителей въ раю до грѣхопаденія: около Адама и Евы стоятъ и лежатъ въ различныхъ позахъ львы, тигры, коровы, овцы и проч., не трогая другъ друга и вообще не обнаруживая никакихъ враждебныхъ стремленій... Нѣчто подобное замѣчаемъ мы, читая о подвигахъ святыхъ, напр., новопрославленного русскаго отшельника и угодника Божія—Серафима Саровскаго, кормившаго изъ своихъ рукъ медвѣдя... Дикія животныя какъ-бы инстинктивно чувствуютъ, что отъ такихъ лицъ имъ не угрожаетъ никакой опасности, что эти лица,—скорѣе наоборотъ,—лишь помогутъ имъ. Нѣтъ ничего неразумнаго въ предположеніи, что еслибъ всѣ люди стали вегетаріанцами въ строгомъ смыслѣ слова, то отношенія животнаго міра къ намъ значительно-бы измѣнились къ лучшему...

Заключивъ приведеніе фактическихъ данныхъ изъ христіанской исторіи (о полномъ перечисленіи ихъ мы не думали, такъ какъ не въ немъ дѣло,—намъ необходимо было лишь отмѣтить то, что казалось намъ наиболѣе характернымъ и выразительнымъ), мы не можемъ не констатировать того несомнѣннаго и уже многими отмѣченнаго факта, что болѣшая часть русскаго населенія—деревенскаго и въ настоящее время питается почти одною только растительною пищею... (по какимъ причинамъ, съ какими слѣдствіями для здоровья и проч., объ этомъ здѣсь не говоримъ, отмѣчая лишь фактъ);—а въ «посты» ея одною питаются у насъ и всѣ безъ исключенія православныя христіане, остающіеся вѣрными установленіямъ церков-

нымъ (во всѣхъ этихъ случаяхъ исключеніе допускается, впрочемъ, не вездѣ и не всегда, только для рыбной пищи).

Всѣ тѣ многочисленныя лица въ христіанской средѣ, которыя избѣгали и избѣгаютъ употребленія животной пищи, однако, поступали и поступаютъ такъ не по какимъ-либо чуждымъ христіанскому духу побужденіямъ, а какъ разъ наоборотъ: *въ цѣляхъ наиболѣе полного осуществленія христіанскаго идеала*,—точнѣе: въ цѣляхъ пріобрѣтенія большей возможности къ такому осуществленію послѣдняго. Такимъ лицамъ чужда была манихейская—дуалистическая точка зрѣнія,—они не раздѣляли теоріи душепереселенія,—они не сочувствовали орфизму и всѣмъ его послѣдователямъ въ родѣ Еврипида-Ипполита, недавно воскрешеннаго, напр., на сценѣ столичнаго Александринаскаго театра, но уже всѣмъ порядкомъ надоѣвшаго (и лишь крайне смѣшно защищаемаго нѣкоторыми «мудрецами», полагающими, что вся «суть» высшей полемики заключается въ грубости и пустомельствѣ), и проч. и проч. Они имѣли въ виду только «подвигъ воздержанія», ради котораго разрѣшаютъ неупотребленіе «животной» пищи, напр., 51-е и 53-е «Апостольскія правила» (см. цитов. изд., стр. 107, 111)..., во всякое вообще время (о постахъ здѣсь, конечно, уже не говоримъ)...

Милостивыя Государины и милостивые Государи! Мы доказали, во первыхъ, возможность пониманія христіанскаго ученія въ томъ смыслѣ, что оно не даетъ человѣку непререкаемаго нравственнаго права на употребленіе животной пищи, и, во-вторыхъ, подтвердили свой взглядъ на дѣло фактическими данными, взятыми изъ исторіи христіанской церкви. Но само собой понятно, что одной возможности чего-бы-то-ни было еще очень мало для доказательства какой-либо истины,—равнымъ образомъ несомнѣнно и то, что и однихъ фактическихъ данныхъ, какъ бы цѣнны они ни были сами по себѣ, далеко еще не достаточно для полнаго обоснованія того или иного положенія. Для достиженія такого обоснованія какой-либо истины необходимо главнѣйшимъ образомъ рассмотреть дѣло *по существу*. Это рассмотрѣніе уже будетъ рѣшительнымъ моментомъ въ дѣлѣ обоснованія того или иного вопроса, съ чѣмъ согласится, конечно, всякій. Къ нему-то и благовременно теперь приступить.

Идеаль, къ какому мы должны стремиться, именно мы—христіане, указанъ уже на первыхъ страницахъ Библии. Рай-

ская—до грѣхопаденія—жизнь, когда нравственное поведеніе человѣка было строго гармонично,—когда духовныя и тѣлесныя человѣческія потребности удовлетворялись нормально и не враждовали между собою,—когда отношенія человѣка къ Богу, къ себѣ, къ другимъ, именно Адама къ Евѣ и Евы къ Адаму (такъ какъ иныхъ людей пока еще не было), къ животному міру были всецѣло-же нормальны...,—такая жизнь—вотъ тотъ идеаль, о достиженіи котораго мы должны думать...,—такая жизнь—вотъ та цѣль, къ достиженію которой призываетъ насъ христіанство, предлагающее намъ и всѣ. необходимыя для этого, средства. А если такъ,—если мы—христіане—обязаны по мѣрѣ возможности заботиться о созданіи такого нравственнаго настроенія, которое приближалось-бы, по крайней мѣрѣ, къ соотвѣтствующему настроенію первозданныхъ, еще не согрѣшившихъ, людей,—и если эти послѣдніе мирно относились къ животнымъ, не убивали ихъ въ пищу себѣ, питаясь лишь растеніями...,—то не ясно-ли отсюда, что о такомъ-же именно своемъ отношеніи къ животному міру должны заботиться и мы, какъ объ отношеніи именно идеальномъ.—не ясно-ли отсюда, далѣе, что мы, если не юридически, то нравственно, по требованіямъ высшихъ сторонъ нашего нравственнаго чувства, обязаны не только не злоупотреблять дарованнымъ намъ правомъ относительно пользованія «животной» пищей, но и по возможности не пользоваться и именно—не пользоваться ею, какъ явившеюся въ человѣческой исторіи лишь въ послѣдствіи, лишь случайно (иначе она разрѣшена была-бы и въ раю), какъ данною человѣку лишь по спусхожденію Божию къ человѣческимъ немощамъ, къ человѣческой слабости... Вѣдь здѣсь мы встрѣчаемся не съ заповѣдью, не съ повелѣніемъ Божиимъ, а *лишь съ разрѣшеніемъ*. Это несомнѣнно. А что ни-одно разрѣшеніе, получаемое нами свыше, не должно быть предметомъ нашихъ злоупотребленій,—что не всякимъ разрѣшеніемъ мы имѣемъ нравственное право,—по крайней мѣрѣ, полное внутреннее право пользоваться,—все это понятно каждому и не можетъ возбуждать чьихъ-либо возраженій (эта сторона дѣла оправдывается въ обыденной жизни постоянными и непререкаемыми примѣрами)... Словомъ, все дѣло ясно. Ясно, что каждый христіанинъ, стремящійся къ достиженію райской—нравственной высоты жизни, долженъ все болѣе и болѣе отвыкать отъ животной пищи и питаться лишь одною растительною, долженъ переходить изъ сферы

сравнительно низшей—изъ сферы разрѣшеннаго лишь, дозволеннаго лишь, къ сферѣ сравнительно высшей—къ сферѣ рекомендуемаго для стремящихся къ высшему совершенству, къ сферѣ чистыхъ и вполнѣ нормальныхъ отношеній, между прочимъ, и къ животному міру.

Принципъ, которымъ христіанинъ долженъ руководствоваться, именно таковъ. Признавая его, мы не придаемъ уже существеннаго значенія всякаго рода слышимымъ нами и подобнымъ имъ возраженіямъ. Говорятъ: послѣ потопа земля стала менѣе плодородною и уже была не въ состояніи производить достаточно питательныхъ для человѣка растительныхъ веществъ, въ дополненіе-де къ которымъ потребовались мясо и мясные продукты...; говорятъ: люди послѣ потопа стали уже не прежніе, потеряли прежнюю силу, прежнюю тѣлесную крѣпость и проч., такъ что для поддержанія ихъ немощныхъ организмовъ явилась нужда въ болѣе содержательной пищѣ...; говорятъ, что, не употребляя животныхъ въ пищу, люди стали-бы, пожалуй, обоготворять ихъ, такъ что для предупрежденія подобнаго отношенія человѣка къ животному міру вполнѣ цѣлесообразнымъ-де оказалось дозволеніе людямъ «животной» пищи (что, впрочемъ, не помѣшало возникновенію зоолатріи) и проч. и проч. Говорятъ это и подобное этому. Но все, что подобнаго рода (даже уважаемѣйшія) лица высказываютъ и могутъ высказывать, даже самое почтенное и превосходное, не относится къ самому существу дѣла, а касается лишь случайныхъ его сторонъ. Разъ основной принципъ, выше отмѣченный, признанъ нами, — въ согласіи съ нимъ именно мы и должны поступать и не имѣемъ достаточныхъ основаній въ этомъ случаѣ видоизмѣнять свое поведеніе приспособительно къ тѣмъ слѣдствіямъ для насъ самихъ или для другихъ, которыя изъ нашего, опирающагося на твердо-установленный принципъ, поведенія могутъ проистекать. Не говоримъ уже о томъ, что ссылаться на основанія, въ родѣ указанныхъ выше, въ силу которыхъ будто-бы человѣкъ имѣетъ полное внутреннее право употреблять «животную» пищу, и по той уже одной причинѣ мы не можемъ, даже не смѣемъ, что вѣдь сами-же мы въ лицѣ своихъ прародителей виновны въ ослабленіи нашихъ физическихъ силъ и проч. и проч. Мы согрѣшили, сами отсюда испортились физически и нравственно, — изъ-за-насъ (всюду подразумѣваемъ: въ лицѣ нашихъ прародителей, передавшихъ намъ печальное наслѣдство) извра-

тилась, именно изъ-за насъ, жизнь животнаго міра, извратились свойства послѣдняго, взаимныя отношенія его представителей и проч...,—мы одни и должны нести печальныя послѣдствія нашего райскаго грѣха, *насколько* все это, конечно, находится въ нашей власти, предоставленной намъ Богомъ... Да! А мы, между тѣмъ, за свою-же вину, изъ-за которой страдаетъ животный міръ, заставляемъ до извѣстной степени расплачиваться его-же представителей: «животныхъ», рыбъ, птицъ...,—убивая ихъ и поѣдая...,—мы, которые, наоборотъ, должны были-бы заботиться всего скорѣе объ облегченіи участи страдающаго по нашей винѣ животнаго царства!! Вдумайтесь, достоуважаемые слушатели, въ эту сторону дѣла безпристрастно, не лицемерно..., и Вы, я полагаю, примкнете, по крайней мѣрѣ, своими мыслями къ убѣжденіямъ всѣхъ христіанскихъ подвижниковъ, постниковъ, скитниковъ..., не знающихъ мясной пищи (иногда, быть можетъ, и по этого рода побужденіямъ)...

Мы разсмотрѣли (интересующій насъ) вопросъ съ точки зрѣнія христіанскаго идеала, о дѣйствительной и несомнѣнной важности которой, разумѣется, излишне и говорить.

На помощь требованіямъ этого идеала приходитъ мощный голосъ нашего «нравственнаго чувства». Это чувство—неотъемлемая принадлежность каждаго человѣка—является «непосредственнымъ» и «певольнымъ», ни-мало не подчиненнымъ намъ судьей нашего поведенія, каждаго нашего поступка, всякой нашей мысли, нашихъ намѣреній... Стоить намъ не только совершить что-либо, но лишь подумать о чемъ-нибудь, этотъ неподкупный судья сейчасъ-же, въ тоже мгновеніе произносить внутри насъ свой приговоръ, т. е., «одобряетъ» насъ или «порицаетъ» (см. подробности по этому вопросу въ курсѣ Нравств. Богосл.—о. І. Л. Янышева: Москва, 1887 г.). У людей, нравственно-развитыхъ, этотъ «внутренній голосъ» въ высшей степени чутокъ... О чемъ-же онъ говоритъ намъ въ данномъ случаѣ? Онъ требуетъ отъ насъ *«жалости»*, *«состраданія» ко всему живому* (ср. по этому поводу, между прочимъ, сочиненія В. С. Соловьева и друг.),—требуетъ въ тѣмъ болѣе мѣрѣ, чѣмъ сильнѣе нравственное чувство въ насъ развито, усовершенствовано. Чтò-же этотъ голосъ, въ частности, намъ твердитъ по нашему-же все вопросу? А вотъ-что...

Помимо уже того, что было отмѣчено выше, именно обстоятельства, что животныя находятся въ нынѣшнемъ печальномъ положеніи по нашей винѣ, что къ нимъ уже поэтому мы

должны быть особенно жалостливы..., наше нравственное чувство указываетъ намъ еще на слѣдующее. Вѣдь всѣ живыя существа по-своему хотятъ жить, наслаждаться дарованнымъ имъ свыше бытіемъ, каково-бы оно ни было. Каждое изъ нихъ—по-своему выражаетъ эту свою радость... Я не имѣю внутренняго, нравственнаго права въ любую минуту по своему произволу положить конецъ этой—чужой, не мною данной, жизни... Корова любовно лижетъ маленькаго—беспомощнаго теленка. Онъ жмется къ своей матери, прыгаетъ около нея, видимо восторгается своимъ бытіемъ. А мы насильно ихъ разобщаемъ, чтобы затѣмъ убить ихъ и съѣсть. Думаемъ-ли мы хоть сколько-нибудь о томъ, что испытываютъ разобщаемыя—мать и ея «порожденіе»? Думаемъ-ли мы сколько-нибудь о томъ предсмертномъ страхѣ, какой испытываютъ убиваемыя животныя? А если они иногда и не испытываютъ его, потому что убиваются совершенно неожиданно для нихъ, то и въ этомъ случаѣ не оказываемся-ли мы еще болѣе безотвѣтными предъ своей совѣстью? Животныя относятся къ намъ довѣрчиво..., тотъ-же теленокъ, та же корова лижутъ намъ руки, по-своему выражаютъ намъ свою признательность..., а мы предательски ихъ убиваемъ. Это сознаніе предательства нашего тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ беспомощнѣе эти жалкія созданія, неспособныя дать намъ отпоръ, молчаливыя, довѣрчивыя... Кроткая овца, ея малыши—ягнята, своимъ видомъ способныя тронуть, повидимому, даже и каменное сердце...,—всѣ они эгоистически пожираются человекомъ по праву сильнаго, — человекомъ, заглушающимъ въ этомъ случаѣ въ себѣ голосъ нравственнаго чувства и всякими софистическими—іезуитскими, лицебными разсужденіями старающимся убѣдить, скорѣе обмануть себя, какъ будто-бы поступающаго согласно съ высшими предписаніями нравственности. Многія дамы (о дѣтяхъ уже не говоримъ) такъ охраняютъ своихъ собачекъ, кошекъ..., что не позволяютъ никому даже и притронуться къ нимъ, а тѣмъ болѣе какъ-либо наказывать ихъ... Пусть такая чрезыбрная и уродливая любовь ихъ къ этимъ животнымъ до извѣстной степени психопатство, но пока расположеніе первыхъ ко вторымъ не переступило должныхъ границъ, оно можетъ быть только привѣтствуемо. Разныя «общества покровительства животнымъ», существующія и еще нарождающіяся только, сами по себѣ весьма симпатичны и имѣютъ превосходную будущность... Возвращаясь къ нашей прямой рѣчи, мы должны сказать: нѣтъ, пусть себѣ живутъ

всякаго рода представители животнаго царства, пусть наслаждаются своею жизнью и по-своему славятъ общаго всѣхъ Творца-Бога! Намъ возразятъ: при этомъ условіи животныя чрезмѣрно размножатся, а отсюда получатся многія нежелательныя и вредныя для человѣка, для его «матеріальнаго» бытія послѣдствія? Собственно не стоило-бы даже и останавливаться на подобномъ возраженіи. «Чрезмѣрно размножатся»...! И пусть! «Насъ стѣснять»!.. Не желая быть только эгоистами, скажемъ: и пусть! Но, впрочемъ, всѣ эти наши «пусть» даже совершенно излишни. Излишни потому, что безпокоящаго насъ «размноженія» и не произойдетъ на самомъ дѣлѣ. Не слѣдуетъ вѣдь забывать, что не размножаются-же до чрезмѣрности животныя, которыхъ мы не употребляемъ въ пищу,—не размножались всѣ они до чрезвычайности даже и тамъ, гдѣ человѣкъ ихъ вовсе и никакъ не касался... (все это—доказанные факты). Сами мы, наоборотъ, всячески стараемся размножить искусственными мѣрами нужныхъ намъ животныхъ. И, тѣмъ не менѣе, не смотря даже на эту мѣру, къ какой теперь мы всюду прибѣгаемъ, настанетъ время, когда животныхъ, необходимыхъ (?) человѣку для пищи, окажется даже слишкомъ мало (мысль † проф. Бекстова), да и теперь ихъ недостаточно, если обращать вниманіе не на городскіе центры, все себѣ захватывающіе... Это—съ одной стороны. Съ другой, если насъ смущаетъ размноженіе животныхъ, будто-бы имѣющее наступить, когда мы перестали-бы употреблять ихъ въ пищу, то почему насъ такъ не смущаетъ продолжающееся размноженіе человѣчества? Вѣдь при исходной точкѣ подобныхъ возражателей можно, пожалуй, дойти до нелѣпнѣйшей и богохульнѣйшей мысли о сокращеніи человѣческаго населенія насильственнымъ, до чего, впрочемъ, уже и дошли, къ стыду человѣчества, различные мальтузіанцы, неомальтузіанцы и проч. Съ третьей стороны, при обсужденіи всякаго вопроса нужно стоять непремѣнно на принципіальной лишь точкѣ зрѣнія, а не замѣнять ея точками случайными, не относящимися къ самому существу обсуждаемаго дѣла, какъ, между тѣмъ, поступаютъ наши (предполагаемые все) возражатели, ссылаясь на рассматриваемое нами размноженіе животныхъ или на имѣющее будто-бы наступить отъ растительной пищи «захирѣніе» человѣка. Въ настоящій разъ рассматривая вопросъ съ христіанской лишь, съ нравственной лишь точки зрѣнія (какъ она освѣщается въ христіанствѣ), мы, конечно, не станемъ рѣшать вопросовъ: дѣйствительно-ли то захирѣніе человѣка произойдетъ

отъ употребленія имъ одной растительной пищи, или нѣтъ? Не произойдетъ-ли, наоборотъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ укрѣпленія силъ человѣческихъ, какъ утверждаютъ вегетаріанцы?... Въ настоящій разъ мы хотимъ освѣтить дѣло, стоя лишь на точкѣ зрѣнія христіанской нравственности. И если нравственное чувство христіанина (какъ и человѣка вообще) вызываетъ къ нашей жалости,—если, подъ его воздѣйствіемъ, мы не должны желать причиненія не только человѣку, но даже и всякому вообще живому—чувствующему—существоу того, чего не хотѣли-бы испытать сами...,—то выводъ здѣсь можетъ быть только одинъ:.. и не станемъ мучить, убивать для своихъ эгоистическихъ цѣлей животныхъ... Отбросимъ прочь всѣ несостоятельныя въ своемъ послѣднемъ основаніи соображенія и данныя, склоняющія насъ къ инымъ выводамъ и заключеніямъ! Не скроемъ отъ себя, что всѣ эти соображенія и данныя насъ сквозь проникнуты грубѣйшимъ—эгоистическимъ моментомъ. Вездѣ, видите-ли, лишь мое собственное «я», лишь оно одно—центръ всего, лишь къ нему одному, къ его желаніямъ все остальное должно—де приспособляться... Ужели не стыдно намъ, такъ резонирующимъ?! Отвѣтъ ясенъ...—Такъ разсуждаемъ мы, многоуважаемые слушатели, смотря на заинтересовавшій насъ вопросъ подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, подъ вліяніемъ его голоса, извѣстнаго всякому человѣку и особенно чистаго, не затемненнаго въ христіанствѣ... Вѣдь «жалость», присущая всякому вообще человѣку, какъ такому, особенно сильно заявляетъ о себѣ въ христіанствѣ, исповѣдниками котораго мы являемся. Не говоримъ уже, напр., о преп. подвижникѣ—Исаакѣ Сиринѣ, который на вопросъ: «что такое сердце милующее»? отвѣтилъ: «возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго терпѣнія умалется сердце его, и не можетъ оно вынести или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію». Досточтимые слушатели! Что можетъ быть умилительнѣе этихъ словъ великаго христіанскаго подвижника? А мы причиняемъ «твари» не только «какой-либо вредъ или малую печаль», а убиваемъ ее и поѣдаемъ!.. «А посему»,—продолжаетъ подвижникъ, «милующее сердце и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами

приносить молитву, чтобы сохранились» они, т. е., между прочимъ, и «безсловесныя», неразумныя существа, «и были... помилованы; а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семь Богу» (Творенія... «аввы Исаака Сиріянина»... Москва, 1858 г.; слово 48-е, стр. 229.—На это мѣсто изъ твореній пр. Исаака обращать вниманіе и В. С. Соловьевъ: чит. его «Оправд. Добра»). Едва-ли пуждаются въ какихъ-либо комментаріяхъ слова «подвижника и отшельника» христіанскаго! Повторяемъ сказанное выше, т. е., что нечего уже и говорить о преп. Исаакѣ... Обратимъ еще вниманіе, напр., на 88-е правило «Трулльскаго Собора» свв. отцовъ. Правило это въ высшей степени характерно и краснорѣчиво. «Случалось иногда», говоритъ толкователь этого правила—извѣстный Вальсамонъ, «нѣкоторымъ во время жесточайшей зимы останавливаться въ храмѣ, находящемся близъ большой дороги, и большой стѣгъ заставлялъ входить внутрь храма съ ихъ копиями и такимъ образомъ избѣгать смертельной болѣзни отъ простуды. Но благоговѣніе ко храму» естественно «не позволяло имъ этого дѣлать; и они самп, входя во храмъ, избѣгали опасности простуды; а животныя ихъ, стоя внѣ храма, дѣлались жертвою холода»... Во избѣжаніе этого «свв. отцы» и позволили въ подобныхъ случаяхъ вводить въ храмъ и животныхъ, «дабы» (говоритъ другой извѣстѣйшій толкователь правила—Зопара) «животное, оставшись внѣ крова, не погибло»... (цит. изд. правилъ; стр. 559—561)... Какая трогательная забота о животныхъ!.. И такъ, будемъ воспринимать въ себѣ жалость къ нимъ.—жалость, которая доходила-бы до указываемыхъ пр. Исаакомъ предѣловъ,—и при наличности которой мы перестали-бы и думать о насильственномъ отнятій у животныхъ ихъ жизни для нашихъ эгоистическихъ цѣлей...

Предшествующія разсужденія и данныя направлены къ выясненію,—съ точки требованій высоко-развитаго нравственнаго чувства,—нашихъ желательныхъ, идеальныхъ отношеній къ животнымъ въ виду ихъ-же самихъ. При этомъ нами отбѣнены лишь тѣ стороны, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашему вопросу и наиболѣе существенны и непререкаемы, по нашему мнѣнію,—всѣ-же другія для насъ не представляютъ въ настоящемъ случаѣ особой надобности (чит., между прочимъ, въ нашей-же статьѣ объ «Отнош. между чел. и жи-

вотными»...: «Христ. Чтен.», 1895 г.; июль—авг.) и потому не отмѣчаются.

Теперь въ послѣдовательномъ порядкѣ рассмотримъ,—и опять съ христіанской точки зрѣнія,—чего требуетъ отъ насъ то же христіанское чувство, та же христіанская жалость..., поскольку разсматривать вопросъ о «животной» пищѣ въ виду не самихъ животныхъ (о чемъ была рѣчь непосредственно выше), а *въ виду нашихъ ближнихъ, окружающей насъ человѣческой среды?*

Основной принципъ, какой долженъ лежать подъ нашими отношеніями къ ближнимъ, указываемый христіански-развитымъ нравственнымъ чувствомъ, извѣстенъ: это—не «жалость» просто, не «состраданіе» лишь, а всецѣлая—безкорыстная любовь, простирающаяся до самопожертвованія въ пользу другого. Повторяемъ: это общеизвѣстная въ христіанствѣ истина. Въ настоящемъ случаѣ мы ее только констатируемъ, лишь напоминаемъ Вамъ о ней, какъ (повторяемъ) не представляющей для Васъ ничего новаго (подробности чит. въ нашей актовой рѣш., чит. въ СПБ. Дух. Академіи 17 февр. 1899 г.: напечат. въ «Христ. Чтен.»: 1899 г., мартъ: *«Любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній»*)... А если въ христіанствѣ дѣло обстоитъ именно такъ, то ясно, что любовь же и только она одна и, притомъ, любовь полная должна быть регулирующимъ началомъ и при уясненіи вопроса о пищѣ, поскольку въ этомъ случаѣ затрогиваются наши отношенія къ ближнимъ. А они не рѣдко затрогиваются и даже очень и очень сильно, какъ сейчасъ далѣе мы и увидимъ.

Въ средѣ христіанъ есть люди крѣпкіе въ духовномъ смыслѣ, твердо и сознательно усвоившіе себѣ христіанскія начала... Но есть и люди «немоцные», слабые еще, не устоявшіеся, колеблющіеся, не все надлежащимъ образомъ и въ должной мѣрѣ понявшіе и усвоившіе. Съ этими послѣдними, въ интересахъ ихъ самихъ и Христова дѣла, конечно, необходимо обращаться со всякою осторожностью. Если первыхъ трудно смутить чѣмъ-либо, разстроить гармонію ихъ внутренней жизни, то нельзя того же сказать о вторыхъ, не владѣющихъ крѣпостью и силою тѣхъ. Все это ясно... Такого рода соображенія, которыя должны всегда лежать въ основѣ нашего поведенія въ виду нашихъ ближнихъ, въ частности должны быть принимаемы нами въ расчетъ и въ разсматриваемомъ нами случаѣ, т. е., въ дѣлѣ нашего питанія. И здѣсь—другими словами сказать—мы не имѣемъ права поступать опро-

метчиво, безъ всякаго разбора. Если христіанинъ знаетъ, что ему *все позволительно*, то онъ въ то же время знаетъ и то, что *не все*, однако, ему *полезно* (Кор. VI, 12. х, 23). Если христіанину извѣстно, что хотя *все* ему *позволительно*, но *не все назидаетъ* (X, 23), то ясно, что онъ обязанъ въ каждомъ случаѣ поступать разсудительно, имѣя въ виду *пользу, назиданіе* для своей души и для души ближнихъ. *Никто не щипъ своего*, говоритъ св. Ап. Павелъ, *но каждый пользы другого* (X, 24). Вотъ путеводная нить для каждаго христіанина. Держась за нее, онъ не собьется съ праваго пути никогда. Христіанинъ знаетъ, что *пища не приближаетъ насъ къ Богу: ибо подимъ-ли мы, ничего не приобретаемъ; не подимъ-ли, ничего не теряемъ* (VIII, 8). Но онъ въ то же время помнитъ и слово св. Апостола: *берегитесь, однако же, чтобы эта свобода ваша* (т. е., въ отношеніи къ пищѣ) *не послужила соблазномъ для немощныхъ* (VIII, 9)... *Ибо иной увѣренъ, что можно ѣсть все, а немощной ѣстъ овощи* (Римл. XIV, 2), говоритъ св. Апостолъ. *Кто ѣстъ, продолжаетъ онъ-же, не уничижай того, кто не ѣстъ; и кто не ѣстъ, не осуждай того, кто ѣстъ* (—3)... *Ради пищи не разрушай дѣла Божія...* Но худо человеку, который ѣстъ на соблазнъ (Римл. XIV, 20). *Если... за пищу, поучаетъ христіанъ св. Павелъ Апостолъ, огорчается братъ твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи своею пищею того, за кою Христосъ умеръ* (—15). *Лучше не ѣсть мяса, разсуждаетъ тотъ-же Апостолъ «языковъ», лучше не пить вина и не дѣлать ничего такого, отъ чего братъ твой претѣкается или соблазняется или изнемогаетъ* (—21). Давая такой совѣтъ другимъ, Апостолъ подаетъ имъ примѣръ и своимъ собственнымъ поведеніемъ. *Если пища соблазняетъ брата моего, говоритъ онъ, не буду ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего....* (I Кор. VIII, 9—13. Ср. I Кор. VIII, 7)... Не ясны-ли апостольскія наставленія уже сами по себѣ, чтобы нужны были здѣсь какія-либо еще толкованія? Не ясно-ли изъ нихъ, что мы всегда должны относиться къ другимъ съ любовію, всегда должны преслѣдовать въ своемъ поведеніи пользу не свою только и не свою вообще (кромѣ пользы душевной), а пользу нашихъ ближнихъ,—что прежде, чѣмъ совершить то или иное дѣло, мы обязаны тщательно взвѣсить, какъ оно отзовется на внутреннемъ благосостояніи окружающихъ насъ людей, хотябы само по себѣ оно и не заключало въ себѣ рѣшительно ни-

чего дурного, незаконнаго? Да,—ясно все это, тысячу разъ ясно... Но вотъ мы ѣдимъ мясо, а между тѣмъ ближніе наши соблазняются... Мы со спокойною совѣстію употребляемъ животную пищу, ссылаясь на такія-то и такія-то разрѣшенія, о которыхъ выше была уже рѣчь,—а между тѣмъ всѣ такъ пазываемые «вегетаріанцы» соблазняются этимъ, смущаются, ихъ нравственное чувство страдаетъ..., такъ какъ они убѣждены, «что избіеніе животныхъ... безнравственно» (см. «Вегетаріанскій Вѣстникъ»; № 1, 1904 г., стр. 28)... Что же? Ужели въ насъ нѣтъ никакой любви къ ближнему,—въ насъ, именующихъ себя христіанами,—ужели насъ не трогаетъ вышеприведенный примѣръ любви св. Апостола, который ради «брата» своего готовъ былъ «не ѣсть мяса во вѣкъ, чтобъ» только не дать своему ближнему поводовъ къ «соблазну»? Если въ насъ такой любви къ брату нѣтъ,—если мы—христіане—только по имени, то ужели мы не побоимся обѣщаннаго свыше наказанія всякимъ соблазнителямъ? *Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, говорить Спаситель,—изъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было-бы, если-бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской. Горе міру отъ соблазновъ..., —горе тому человеку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ...* (Мѡ. XVIII, 6—7. Марк. IX, 42). Ужели эти грозныя слова Спасителя не должны заставить насъ хотя сколько-нибудь призадуматься? Если насъ не движетъ высокое чувство любви, то не подбѣствуютъ-ли на насъ, по крайней мѣрѣ, угрозы? Докопѣ мы останемся безпечными ко спасенію нашихъ ближнихъ?!..

Чему учить насъ св. Ап. Павелъ, тому-же учать насъ и другіе—Апостолы и Отцы христіанской Церкви, христіанскіе учителя и подвижники всѣхъ временъ.

Въ частности, уже «Апостольскія правила» (51-е и 53-е), разсуждая о нищѣ, придають огромное значеніе вопросу о «соблазнѣ», какой можетъ возникнуть отъ такого или иного отношенія нѣкоторыхъ лицъ къ нищѣ. Устраненіе самой возможности соблазна въ данномъ случаѣ должно быть предметомъ особенныхъ заботъ каждаго... Святые Отцы христіанской церкви, у которыхъ можемъ всегда пайти отвѣты на подобнаго рода важныя жизненные вопросы, даютъ намъ поучительные уроки. Приведемъ краснорѣчивый примѣръ. Въ «Достопамятныхъ сказаніяхъ о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ Отцовъ» (изд. 3-е, Спб. 1855 г., стр. 266) читаемъ: «случи

лось нѣкоторымъ отцамъ зайти въ домъ одного христілюбиваго человѣка: въ числѣ ихъ былъ и авва Пименъ. За столомъ предложили» пришедшимъ «мясо. Всѣ стали ѣсть, кромѣ аввы Пимена. Старцы, зная его разсудительность, дивились, почему не ѣсть онъ», и по окончаніи трапезы «сказали ему: ты—Пименъ, а что сдѣлалъ? Старецъ отвѣчалъ имъ: простите мнѣ отцы! Вы ѣли и никто не соблазнился; но, если бы я сталъ ѣсть, то многіе приходящіе ко мнѣ братія соблазнились-бы и и стали-бы говорить: Пименъ ѣлъ мясо,—почему же и намъ не ѣсть?» «И старцы», читаемъ въ данномъ сборникѣ, «подивились его разсудительности»... Приведенный нами примѣръ—одинъ изъ многихъ, ясно показывающихъ намъ, что «иноки ѣли мясо, уступая только любви гостепріимства», да и въ этомъ случаѣ лишь «тогда только, когда не опасались этимъ подать поводъ къ соблазну» (см. цитов. «Общій очеркъ жизни иноковъ Египт. в. IV и V вв.»—П. С. Голубцова; стр. 831)...

Боясь слишкомъ удлинить свою рѣчь и утомить вниманіе своихъ многоуважаемыхъ слушателей, мы не станемъ приводить другихъ примѣровъ изъ жизни свв. Отцовъ и подвижниковъ христіанскихъ, тѣмъ болѣе, что достаточно, думаемъ, и приведенныхъ. Общий смыслъ ихъ—ясенъ: *изъ любви къ своимъ ближнимъ мы нравственно обязаны быть осторожными по отношенію къ своей пищѣ, чтобы иначе не оказаться соблазнителями нашихъ братьевъ во Христѣ и чрезъ то самое виновниками ихъ духовной гибели.* И такъ, побольше любви, поменьше грубаго эгоизма, плотолюбія!

Теперь, если отъ животныхъ и отъ ближнихъ нашихъ обратимся къ себѣ самимъ, то и здѣсь найдемъ важныя, въ свою очередь, данныя, данныя именно нравственнаго порядка, убѣждающія насъ все въ томъ-же, т. е., въ необходимости воздерживаться отъ употребленія животной пищи. Употребленіе послѣдней несомнѣнно ведетъ насъ къ нравственному огрубѣнію, ослабляетъ наши духовныя силы, дѣлаетъ насъ нравственно лѣнивыми..., усиливаетъ наши грубыя, животныя склонности... Повторяемъ: все это несомнѣнно..., въ чемъ убѣждаютъ насъ даже самыя элементарныя наблюденія (изъ ежедневной жизни). Попробуйте, напр., кормить одну кошку только мясомъ (особенно сырымъ), а другую молокомъ и проч.,—и Вы скоро-же увидите большую между ними разницу. Тогда—какъ первая будетъ отличаться дикостью, вторая—наоборотъ—мягкостью, насколько, конечно, мягкость вообще доступна этому домашнему жи-

вотному... Не происходитъ-ли и съ нами нѣчто подобное-же? Извѣстная часть нашихъ дикихъ выходокъ и порывовъ не должна-ли быть отнесена именно къ интересующей насъ причинѣ, т. е., къ вліянію на нашъ организмъ животной пищи? Не были-ли-бы мы болѣе кроткими, болѣе человѣколюбивыми, если-бы питались только растительною пищею? Думаемъ, что—*да*. Думаемъ и потому, между прочимъ, что мы знакомы съ жизнью вегетаріанцевъ и мясоѣдовъ достаточно близко. На моей родинѣ—въ глуши бѣлозерскаго уѣзда, новгородской губерніи—мяса почти совсѣмъ не употребляютъ по неимѣнію средствъ приобрести его..., и что-же? Кротость, незлобіе... моихъ земляковъ, право, можно было-бы выставять всюду въ качествѣ образца. Съ другой стороны, всѣмъ моимъ слушателямъ извѣстна нація, питающаяся бифштексами съ кровію по-преимуществу. Извѣстна, думаемъ, и кровожадность этой націи, ея нравственная грубость и перазборчивость. Конечно, мы не думаемъ объяснить все дѣло въ томъ и другомъ случаяхъ только и только одною пищею,—мы совсѣмъ далеки отъ подобныхъ крайнихъ выводовъ,—но въ то же время извѣстную долю вліянія именно пищи и тамъ, и здѣсь признаемъ истинною безспорною, не подлежащею сомнѣніямъ и пререканіямъ.

Отъ этихъ общихъ данныхъ и соображеній перейдемъ теперь къ даннымъ, *предлагаемымъ специально христіанскими мыслителями—отцами, учителями, подвижниками христіанской древности*. Свидѣтельства ихъ въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени краснорѣчивы, ясны и характерны, и клонятся они къ тѣмъ-же выводамъ, какіе выше нами только-что предложены Вашему вниманію.

Мы слишкомъ большое вниманіе удѣляемъ вопросу о пищѣ въ нашей повседневной жизни, а древніе христіанскіе подвижники разсуждали совершенно иначе. «Самое подкрѣпленіе себя пищею» они «почитали не столько дозволеннымъ предметомъ удовольствія, сколько бременемъ, наложеннымъ» на насъ «въ видѣ наказанія»... (это—взглядъ преп. І. Кассіана) (см. въ «Добротолюбіи»; т. II, Москва, 1885 г., стр. 28). На чьей сторонѣ истина: на святоотеческой, или на нашей, ясно само собою. Тогда какъ мы всего скорѣе «живемъ для того, чтобы ѣсть» (о чемъ свидѣлствуетъ почти вся наша ежедневная жизнь), древніе христіанскіе подвижники жили (какъ живутъ иногда, конечно, и теперь) для другихъ цѣлей, болѣе возвышенныхъ, святыхъ,—они «ѣли» только подъ вліяніемъ необходимости.

«чтобы жить» (известное древнее изречение), чтобы не оказаться въ противномъ случаѣ самоубійцами. Они прекрасно сознавали, что (если выразиться словами св. І. Златоуста) «чѣмъ болѣе тѣло питается и тучнѣетъ, тѣмъ болѣе душа истощается и становится немощной», что «чѣмъ болѣе изнѣживается первое, тѣмъ глубже зарывается въ землю послѣдняя» (см. «250 мыслей философовъ, поэтовъ и ученыхъ о вегетаріанствѣ и воздержаніи»; *собрала Т. Т. Москва, 1903 г., стр. 39*). Угущеніе одного происходитъ всегда на счетъ другой, что особенно забывается мы съ нашими различнаго рода гастрономическими затѣями, предпринимаемыми ради нихъ же самихъ. Лишеніе гастрономическихъ удовольствій—для насъ большое испытаніе. «Боязливый воинъ», говоритъ преп. Нилъ Синайскій, «трепещетъ отъ звука трубы, возвѣщающей битву, а чревоугодникъ—отъ возвѣщенія о началѣ поста» («Добротол.»; т. II, стр. 247)... А между тѣмъ истинные хрістіане разсуждаютъ совершенно иначе. «Пища у» истинныхъ хрістолубцевъ, напр., у «монаховъ», строгихъ подвижниковъ,—говоритъ великій отецъ хрістіанской Церкви—св. І. Златоустъ,—«самая лучшая: они питаются не вареными мясами безсловесныхъ животныхъ, но словомъ Божіимъ» (см. т. VII «Твореній св. І. Злат.», новое изд. СПб. Д. Академіи; 1901 г., стр. 698); имъ, слѣдовательно, чужда и совершенно непонятна какая-либо боязнь воздержанья, поста... «Не имѣй, монахъ, пожеланія мясъ», говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, «и не пей вина до упоенія: иначе огрубѣетъ твой умъ, и житейскимъ попеченіямъ не будетъ у тебя конца» («Добротолуб.»; т. II, стр. 403). У того же св. отца читаемъ: «одинъ братъ сказалъ: не по брезгливости какой отказываюсь ѣсть мясо: пбо всякое созданіе добро и ничтоже отменно (1 Тимоо. IV, 4); но поелику написано: не пользуетъ безумному сладость (Притч. XIX, 10), то неразумно монаху ѣсть мясо животныхъ» (*ibid.*, стр. 403). Какъ поучительны эти превосходныя слова и какъ приложимы они не къ монаху только, но и ко всѣмъ людямъ, желающимъ жить не опрометчиво, а осмотрительно!.. А такой осмотрительности—то, разумной, надлежащей у насъ и нѣтъ въ данномъ случаѣ. Иначе мы—хрістіане—не забыли-бы словъ св. І. Златоуста, весьма краснорѣчивыхъ и строго вѣрныхъ: «тѣ»..., говоритъ онъ, «которые употребляютъ въ пищу жирныхъ животныхъ, удоболяются имъ, становятся лѣнивыми, большими и сами на себя налагаютъ тягчайшія узы» (цитов. т. VII, стр. 470). Употребляя животную пищу, «мы»,—

по словамъ тогоже св. отца церкви,—«походимъ на волковъ и тигровъ! Мы», говоритъ онъ, «даже хуже этихъ звѣрей. Природа создала ихъ такъ, что они должны питаться мясомъ, тогда какъ насъ Богъ одарилъ разумною рѣчью и чувствомъ справедливости» (цитов. брошюра Т. Т.; стр. 5). Выходить, такимъ образомъ, что мы, вкушая мясо, пиже самихъ животныхъ,—ниже какъ потому, что въ этомъ случаѣ поступаемъ вопреки первичнымъ задаткамъ нашей природы, противоестественно, такъ и потому, что поступаемъ неразумно и въ отношеніи къ поѣдаемымъ нами животнымъ прямо-таки несправедливо.... Свв. отцы, развивая мысль о томъ, что животная пища ведетъ насъ къ нравственному огрубѣнію, къ нравственной лѣности, къ нравственной тупости, къ пробужденію и развитію въ насъ звѣрскихъ инстинктовъ..., съ неменьшею настойчивостью утверждаютъ, что, наоборотъ, растительная пища болѣе животной благопріятствуетъ даже и физическому здоровью. «Не укрѣпляютъ столько тѣла прочія снѣди, какъ хлѣбъ и вода», говоритъ св. Григорій Синаитъ (см. «Добротолуб.»; т. V; Москва, 1890 г.; стр. 240—241). «Ограничьтесь растеніями, если хотите питаться сытно и здорово», говоритъ св. І. Златоустъ (цитов. брош. Т. Т.; стр. 17)...

Но довольно святоотеческихъ выдержекъ! Боимся, что и приведенными мы уже утомили своихъ достопочтенныхъ слушателей. Да, при томъ, этихъ выдержекъ вполне уже достаточно для выясненія существа дѣла.

Разрѣшая христіанамъ «ради подвига воздержанія» (51-е, 53-е «Апост. правила») избѣгать употребленія животной пищи, «Апостольскія правила» вполне ясно освѣщаютъ предъ нами и все дѣло вообще. На «подвигъ воздержанія» каждый христіанинъ, какъ такой, непременно обязанъ идти. *Если кто хочетъ идти за Мною*, говоритъ Спаситель, *отвернись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною* (Матѣ. XVI, 24. Марк. VIII, 34. Лук. IX, 23). Самоотверженіе, всякаго рода подвиги,—въ частности, конечно, и «подвигъ воздержанія»,—все это необходимо требуется отъ христіанина, отъ каждаго изъ насъ. Иначе мы не выполнимъ своего христіанскаго призванія, какъ такого. Воздерживаясь-же вообще и, въ частности, въ дѣлѣ своего питанія, мы поступимъ по заповѣди Божіей. Этотъ видъ воздержанія можетъ подготовить почву для другого и т. д. Несомнѣнно, словомъ, что *и наши обязанности къ Богу* до извѣстной степени легче исполнимы съ нашей стороны.

если мы станемъ, во имя указаннаго принципа, воздерживаться отъ животной пищи, нежели при иныхъ обстоятельствахъ, т. е., при употребленіи послѣдней...

Мы видѣли, такимъ образомъ, что вегетаріанская точка зрѣнія всецѣло оправдывается въ христіанствѣ, будемъ-ли разсматривать наши обязанности—какъ христіанъ—къ животнымъ, или къ самимъ себѣ, или къ ближнимъ нашимъ, или, наконецъ, къ Богу. А такъ какъ этими обязанностями исчерпывается весь кругъ нашихъ христіанскихъ отношеній, то выводъ отсюда въ пользу истинности основныхъ вегетаріанскихъ тенденцій, какъ оправдываемыхъ христіанскимъ духомъ, не подлежитъ сомнѣнію, пререканіямъ... *Въ христіанствѣ все говоритъ,—мы видѣли,—въ пользу «безубойнаго питанія».*

Теперь подведемъ итоги всѣхъ предшествовавшихъ разсужденій, попутно выскажемъ нѣсколько нашихъ «*ria desideria*», бросимъ взглядъ на возможную судьбу вопроса въ будущемъ и проч. и проч.

Мы видѣли, что право употреблять животную пищу намъ дано въ христіанствѣ. Но въ то же время мы видѣли, что не всякимъ правомъ и обязательно пользоваться потому только, что оно намъ предоставлено. Намъ дозволено питаться животною пищею, разрѣшено, но *не приказано* (подобно тому, какъ всѣмъ разрѣшено вступать въ бракъ, но не приказано: хотя бракъ—дѣло чистое и святое, но безбрачіе—болѣе достохвально...). Мы же, какъ свободно-разумныя существа, должны сами уже разбираться въ области дозволеннаго намъ и самостоятельно рѣшать, что для насъ лучше, что скорѣе приведетъ насъ къ поставленному намъ въ Евангеліи идеалу: быть «совершенными, какъ Отецъ» нашъ «небесный совершеннѣе» (Матѣ. V, 48)... Мы уже видѣли, что именно для насъ лучше въ данномъ случаѣ... *Лучше для насъ—вегетаріанское питаніе, а не животное, не «убоина».* Таковъ долженъ быть истинно-христіанскій взглядъ, не омрачаемый никакими ложетолкованіями, никакими тенденціозными, предвзятыми точками зрѣнія. Это—несомнѣнно.

Изъ исторіи человѣчества мы знаемъ, что дикари ѣли и пьютъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и понынѣ) человѣческое мясо. Постепенно они, однакожъ, отказывались отъ этого рода пищи все болѣе и болѣе, подъ вліяніемъ проникавшихъ къ нимъ

началь христіанскихъ и гуманитарныхъ вообще. Мы знаемъ также, что нѣкогда существовали въ Европѣ инквизиція и подобныя ей ужасныя, чудовищныя учрежденія, но постепенно они испарились—одни за другими. Прогрессъ (и не въ одномъ только худшемъ смыслѣ) несомнѣнно на-лицо и онъ медленно, по немногу дѣлаетъ свое дѣло. Если и дальше путь прогресса не повернуть назадъ,—разумѣмъ—прогрессъ не кажущійся, не дрессировку лишь наружную, съ какою оказались столь легкомысленно принятыя въ семью европейскихъ народовъ цивилизованныхъ разбойники изъ-за угла—японцы,—то постепенное нравственное усовершенствованіе человѣчества, близко причастнаго процессу этому, т. е., прогрессу, будетъ вѣкъ сомнѣнія. Тогда можно будетъ надѣяться на постепенное установленіе такихъ человѣческихъ взаимоотношеній, при которыхъ все болѣе и болѣе люди станутъ обходиться безъ клятвъ, безъ судовъ, безъ войнъ и проч., такъ какъ всѣ эти явленія уже не потребуются тамъ, гдѣ будутъ царить—одна лишь правдивость, взаимное довѣріе, любовь другъ къ другу, незлобіе, независтливость и проч. и проч. Съ подобнымъ проникновеніемъ христіанскихъ началъ въ плоть и кровь христіанскихъ народовъ эти послѣдніе,—надѣмся,—наконецъ, откажутся и отъ грубой—животной пищи, отъ столь соблазнительнаго (извините за выраженіе!) «скотоѣдства» (слово принадлежитъ г. редактору-издателю «Вегетаріанскаго Вѣстника» Б. А. Долячко)...—этой причины многихъ нашихъ физическихъ и душевныхъ недуговъ. А когда наступитъ это вождельнное время,—будьте увѣрены, что и отношенія животнымъ къ людямъ несомнѣнно измѣнятся: животныя станутъ къ намъ относиться гораздо довѣрчивѣе, такъ какъ постепенно пріучатся не видѣть въ насъ своихъ враговъ и недоброжелателей. Припомните, что было сказано нами выше о преп. Серафимѣ Саровскомъ и медвѣдѣ. Подобныхъ примѣровъ немало разсказывается въ житіяхъ подвижниковъ святой христіанской церкви, и они—эти примѣры—дѣйствительно характерны. Помню, какъ еще маленькимъ я читалъ разсказъ объ одной дѣвчкѣ—дочери лѣсника, которая, постоянно оставаясь одна въ отцовской хижинѣ, употребляла свой досугъ на то, что кормила голубей, воронъ, сорокъ... Птицы къ ней до того привыкли, что всюду сопровождали ее цѣлыми стаями, садились къ ней на голову, на плеча... Однажды она заблудилась, упала въ снѣгъ и несомнѣнно замерзла-бы, еслибъ тѣ же птицы вполнотную не облѣ-

пили ея и не согрѣвали и елибѣ своимъ присутствіемъ не указали ея отцу о мѣстонахожденіи дѣвочки. Подъ конецъ рѣшились приходить къ ней за пищей довѣрчиво даже лѣсные волки... Скажете: этотъ разсказъ-сплошная сказка? Можетъ быть..., но не сплошная..., а быть можетъ и совсѣмъ не сказка...: много, очень много отъ самого-же человѣка зависить установленіе такихъ или иныхъ отношеній къ нему животныхъ! Это несомнѣнно, противъ чего могутъ возражать развѣ тѣ, кто все время жизни провелъ внѣ всякаго общенія съ животнымъ міромъ... Да, во всемъ проявляется необыкновенная сила человѣческой воли, вліянія человѣка на животный міръ. Что отношенія между животными и человѣкомъ могутъ существенно измѣниться по волѣ самого человѣка, при указанномъ выше условіи, это—повторяемъ—несомнѣнно, это не утопія, осуществленія которой напрасно было-бы ожидать. Припомнимъ, что пишетъ прор. Исаія о будущихъ временахъ. «Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ и молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ», т. е., не трогая другъ друга, «и малое дитя» безбоязненно «будетъ водить ихъ» (гл. XI, 6). «И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому» (—7) вмѣсто мяса, которымъ теперь по винѣ перваго человѣка питается. «И младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи» (—8). «Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей»,—говоритъ Господь устами этого пророка,—«ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море» (—9)... Конечно, не скоро наступятъ эти времена, такъ какъ не скоро еще «вѣдѣніе Господа», подобно «водѣ», проникнетъ все существо человѣка..., но въ свою пору они наступятъ несомнѣнно... Впрочемъ, и какъ имъ скоро наступить, когда мы живемъ еще въ вѣкѣ господства среди людей грубости, дикости, извращенности самыхъ элементарныхъ нравственныхъ понятій даже въ цивилизованномъ обществѣ? Да и какъ имъ скоро наступить, когда мы—хрістіане и культурные люди—лишь съ усмѣшкою встрѣчаемъ извѣстіе о какомъ либо кровавомъ иѣтушинномъ боѣ, когда мы доселѣ (напр., въ Пенаніи) устраиваемъ бои быковъ и наслаждаемся ими до изступленія,—когда у насъ, напр., шпнутъ (какъ, напр., въ «Новомъ Времени» отъ 19 янв. 1904 г., № 10.013, стр. 4: «Маленькія замѣтки» *В.*): «я», говорить

г. Б., «вспомнилъ... О. Е. Горша, съ которымъ когда-то хаживалъ стрѣлять воронъ за Крестовскую заставу» (въ Москвѣ). «Московскій филологъ, изслѣдователь славянскаго юса, былъ недурнымъ стрѣлкомъ изъ ружья и первобытнаго лука»... Культурные люди,—видите-ли,—еще съ удовольствіемъ вспоминаютъ, какъ они ради прихоти убивали ни въ чемъ неповинныхъ предъ ними воронъ!... Да что говорить объ этомъ, когда нынѣ даже нѣкоторые, именующіе себя христіанскими, народы помогаютъ язычникамъ противъ христіанъ же, обуреваемые злобою, завистью, алчностью и прочими противохристіанскими чувствами!.. Да, — повторяемъ, — далеко, еще очень и очень далеко то вождедѣнное время, наступленія котораго мы желали-бы и о которомъ мы выше говорили..., — настолько далеко, что и самый, трактуемый нами, вопросъ, быть можетъ и даже навѣрное, покажется нѣкоторымъ лицамъ смѣшнымъ, по поводу котораго можно только острить и шутить, каламбурить... И пусть себѣ шутятъ, паясничаютъ—кому хочется. Мы-же считаемъ данный вопросъ весьма важнымъ и довольны будемъ, если хоть немногіе согласятся съ нами (о вегетаріанцахъ здѣсь, разумѣется, не говоримъ, такъ какъ ихъ симпатіи, надѣмся, несомнѣнно будутъ въ общемъ на нашей сторонѣ)... Мы надѣмся, что *разумная* ¹⁾ вегетаріанская волна будетъ расти все выше и выше, пока, наконецъ, не наполнитъ собою всего челоѣческаго міра, который съ ужасомъ станетъ оглядываться на прошедшія времена, когда люди—ради своихъ прихотей убивали и поѣдали живыхъ существъ... Проф. А. Н. Бекетовъ говоритъ: «огромное большинство людей питается не мясною и не смѣшанною животнорастительною пищею, а чисто растительною» (стр. 21 брошюры его: «Питаніе челоѣка въ его настоящемъ и будущемъ», изд. 2-е; Москва, 1896 г.; ср. у насъ выше). Онъ-же говоритъ, что «въ будущемъ челоѣчество, силою вещей» (*заметьте!*).

¹⁾ Когда наша лекція была уже въ типографіи, появился превосходный фельетонъ *Эльте*: „Мясная или растительная пища“ (*Нов. Вр.*, № 10064, 11 марта 1904 г.). Здѣсь почтенный авторъ доказываетъ, что „вегетаріанисты вполне правы, когда говорятъ, что путь къ здоровью, силѣ и бодрой старости ведетъ черезъ огородъ, плодовый садъ и пшеничное поле, а никакъ не черезъ бойню“... Желающихъ ознакомиться съ освѣщеніемъ вопроса не съ нашей, а съ другихъ точекъ зрѣнія (но, тѣмъ не менѣе, совпадающихъ съ нашею въ концѣ концовъ) отсылаемъ къ названному фельетону извѣстнаго ученаго автора.

«все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ идеямъ вегетаріанцевъ даже и относительно убіенія животныхъ, такъ какъ оно постепенно превратится изъ некрофаговъ - потребителей мертвечины... въ потребителей плодовъ и овощей»... («Энциклоп. Слов.» *Брокгауза—Ефрона*; полут. 10, Спб. 1892 г., стр. 691—692: «*вегетаріанство*»). «Будущность», убѣжденно восклицаетъ Бекетовъ, «за вегетаріанцами» (цитов. брош., стр. 46). «Доказано», настаиваетъ онъ, «что въ Европѣ оказалось уже явленіе, называемое инспекторациею и состоящее въ уменьшеніи относительнаго числа скота. Въ Азійи это явленіе уже почти совершилось, особенно въ наиболѣе культурныхъ и населенныхъ ея странахъ... Такимъ образомъ волею или неволею человѣчество», по словамъ Бекетова, «влечется, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, къ вегетаріанству»... (цитов. полут. «Энци. Сл.» Бр.—Ефр., стр. 691)... Мы-же лично, оставляя въ сторонѣ статистическія данныя, данныя физической гігіены и подобныя имъ, и имѣя въ виду у себя *только данныя христіанскія, только данныя высшей нравственности*, настаиваемъ на тѣхъ-же выводахъ, какъ на безспорныхъ и несомнѣнныхъ въ глазахъ всякаго благомыслящаго и безпристрастнаго человѣка...

„Смертные“,—говоритъ Пинегоръ въ „Метаморфозахъ Овидіевыхъ, — „бойтесь тѣла осквернять непотребною пищею!

Есть на это зерно и плоды, что собственнымъ вѣсомъ
Вѣтви склоняютъ, и есть со вздутыми гроздьями лозы;
Сладкія травы затѣмъ, которымъ пламя и нѣжность,
Вмѣстѣ и мягкость даетъ; отъ васъ ни молочная влага
Не отнята, ни соты...;

Расточая дары, земля намъ кроткую пищу
Производитъ, и яствъ безъ убійства и крови подноситъ.
Звѣри... не всѣ укрощаютъ голодъ свой мясомъ.

Ибо и конь, и овца, и коровы живутъ лишь травой;
Тѣ же..., чей нравъ необузданъ и дикъ совершенно,
Какъ—то свирѣпыя львы, армянскіе тигры и волки
Съ медвѣдями, вотъ тѣ кровавую любятъ трапезу.

О, что за ужасъ во внутрь чужую внутренность прятать,
И, глотая тѣла, утучнять ненасытное тѣло,
И животному жить другого животного смертью!

Иль среди столькихъ богатствъ, что добрейшая намъ порождаетъ
Матерь—земля, для тебя ничего нѣтъ отраднѣй, чѣмъ зубомъ
Яростнымъ рапы кусать, возвращаясь ко нравамъ Циклоповъ?

Неужель, не губя другого, унять ты не можешь

Голода чрева съ его воспитаннымъ дурно обжорствомъ?

А вѣдь древній тотъ вѣкъ, что мы золотымъ называемъ,

Только плодами деревьевъ, да почвой рожденной травою,
 Былъ совершенно блаженъ и усть своихъ кровью не пачкалъ.
 Безопасны тогда летали по воздуху птицы,
 И блуждалъ средь полей повсюду безтрепетный заяцъ...
 Всѣ безо всякихъ засадъ, никакихъ не страшася обмановъ,
 Мирно живали они“...

(См. „Овидіевы Превращенія“; кн. XV, ст. 75—103; стран. 741; перев. А. Фета; Москва, 1887 г.).

Такъ разсуждаетъ, милостивыя Государыни и милостивые Государи, еще древній язычникъ, не просвѣщенный лучами Христовой вѣры... Ужели-же мы—христіане и люди высшей культуры—останемся позади языческаго мудреца? ¹⁾

Профессоръ Александръ Бронзовъ.

¹⁾ По вопросу о вегетаріанствѣ мы высказывались не разъ и прежде въ печати, но вскользь и мимоходомъ, случайно. Поэтому тамъ у насъ многое, конечно, оставалось недосказаннымъ, немотивированнымъ и пр. Нѣкоторые прежнія краткія наши замѣчанія, какъ отрывочныя, могутъ подать инымъ читателямъ даже, быть можетъ, поводъ къ недоразумѣніямъ... Отсюда просимъ читателей судить о нашихъ взглядахъ по данному вопросу только по настоящему нашему этюду, выражающему тѣ же наши мысли, какихъ мы и всегда придерживались, но какія впервые здѣсь лишь высказаны нами съ достаточной полнотой и обоснованностью. Правда, и здѣсь мы игнорировали многія подробности, которыя при иныхъ условіяхъ высказали-бы (теперь же боялись утомить вниманіе своихъ слушателей, на которыхъ наше чтеніе специально и было рассчитано).—но всѣ онѣ, т. е., подробности эти, несущественны и потому дѣла не измѣняютъ нисколько... Что-же касается самыхъ нашихъ взглядовъ по вопросу о вегетаріанствѣ, то мы всегда готовы защищать ихъ на почвѣ христіанства и нравственности вообще, такъ какъ эти взгляды нами выношены, глубоко продуманы и прочувствованы... Впрочемъ, заранѣе оговариваемся, что общаемъ въ будущемъ разсуждать по вопросу лишь съ людьми, искренно и серьезно заинтересованными въ немъ, а съ „литературными японцами“, набрасывающимися изъ-за угла, или вообще недобросовѣстными, пишущими не ради выясненія истины, а по другимъ (низменнымъ) побужденіямъ..., бесѣдовать никогда не будемъ, предоставляя имъ полнѣйшую свободу говорить все, что имъ будетъ угодно...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки